

несомненно, видел его в рукописи. В биографии Державина он писал: «Перевезенный в Петербург, валдайский уголь долго лежал большою массой на каком-то дворе, но наконец, в жаркое время, воспламенился и весь пропал».¹⁹ Грот говорит о «каком-то дворе», хотя в письме М. А. Львовой совершенно ясно сказано, что пожар произошел на даче Львова, а в примечаниях к стихотворению «Другу» (1795) сам Грот объясняет, что дача Львова находилась «близ Невского монастыря, против Охты».²⁰ Кроме того, Я. К. Грот имел в своем распоряжении документ, который несколько уточняет местоположение дачи и дает довольно подробное официальное изложение всех перипетий в работе Львова по добыче, поставке и реализации угля. Этот документ — «Записка о боровицком каменном угле и относящихся к нему разных заведений» — представляет безусловный интерес не только для биографов Н. А. Львова, но и для истории Ленинграда, горного дела и отчасти литературы.²¹

Грот, очевидно, знал о пожаре понаслышке: он говорит о «каком-то дворе» и неточно указывает время; М. А. Львова писала о том, что «пришла... осень»; в изложении же Я. К. Грота дело произошло в «жаркое время». Я. К. Грот не обнаружил интереса к эпизоду с пожаром и к связанному с этим стихотворению «На угольной пожар».

Между тем последнее заслуживает внимания, так как по языку и по системе образов оно тесно связано с другими поэтическими произведениями Львова, а по своей научной тематике продолжает линию «научной поэзии», начатую «Утренним» и «Вечерним размышлением о божием величестве» и «Письмом о пользе стекла» Ломоносова.

Система образов Львова в публикуемом стихотворении близка к народной поэзии. Такие обороты, как «мать — сыра земля», «целой век ничком лежала», «заправлю я свои беды, посланные от чуда-юда», — всё это народные образы.

Поэт в своем обращении к «матери — сырой земле» рисует яркую картину: еще не тронутая, не возделанная человеком, «земля» «целой век лежала ничком». И дальше, чтобы показать мощь вырвавшихся на свободу сил природы, Львов создает грандиозный образ пламени, восставшего «стеной к звездам».

Следующий стих — «Но кто тебя воздвигнул? Я!» — говорит уже о другом, о разумной воле человека, во власти которого обратить силы природы себе на пользу. Здесь налицо возмещение могуществом дел человеческих и человеком-творцом. Слово же «воздвигнуть», семантика которого несет в себе понятие величия и торжества разумного начала, с предельной ясностью выявило мысль поэта, идею стихотворения.

Хотя уголь, привезенный Львовым, загорелся и при помощи тогдашних технических средств его не могли потушить, но по замыслу стихотворения именно человек должен выйти победителем и научиться управлять силами природы.

Аналогичный характер имеет и баллада «Ночь в чухонской избе на пустыре». Львов выступает здесь как человек XVIII столетия, владеющий знанием и идущий навстречу непознанным трудностям:

Бесконечной Ночи бурной визг,
Умножаясь продолжается...

¹⁹ Я. К. Грот. Жизнь Державина. Державин, Сочинения, т. VIII, СПб., 1880, стр. 533.

²⁰ Державин, Сочинения т. I, СПб., 1864, стр. 673.

²¹ Хранится в ИРЛИ (ф. 86, сп. 13, № 37), в составе бумаг Державина из архива Я. К. Грота